

(Киев)

ЕВРОПА В ВИДЕНИИ Н. С. ГУМИЛЕВА

(ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

У статті пропонуємо лінгвоімагологічний аналіз сприйняття Європи (держави, міста, відомі особистості, люди, національності, водойми, острови, вулкани) видатним російським поетом М. С. Гумільовим.

Ключові слова: лінгвоімагологія, М. С. Гумільов, Європа.

The article deals with analysis of the outstanding Russian poet N. Gumilev's perception of Europe (states, cities, personalities, people. Nationalities, water basins, islands, volcanoes) in aspect of linguistic imagology.

Key words: linguistic imagology, N. Gumilev, Europe.

В последние годы существенно расширились наши контакты с миром, мы стали больше путешествовать, больше видеть. Нас заинтересовало то, как нас видят и оценивают в других странах, как избежать коммуникативных неудач? Наша наука откликнулась на указанные проблемы созданием этнолингвистики, межкультурной коммуникации, в рамках когнитивной лингвистики сопоставляются концепты в разных языках и культурах (дом, семья, вера, надежда, любовь, ментальность и многие другие). Еще одной отраслью языкознания в этом ряду становится лингвоімагологія, изучающая имидж того или иного народа (отсюда термин) в видении другого народа. Имагологія сформировалась в недрах сравнительного литературоведения, предмет ее изучения – литературные образы (имиджи) национальных государств, народов [3, с. 7]. В. В. Орехов, один из наиболее плодотворных и перспективных ученых, разрабатывающих имагологію, отмечает: "Интенсивное развитие имагологии приходится на вторую половину XX века. Это закономерно, поскольку, являясь одним из направлений компаративистики, имагологія невозможна без учета научных данных в области международных литературных контактов. Реконструкция обобщенного образа страны в инонациональной литературе осуществима только на основании широкого круга сведений о внешних межлитературных связях, начиная с личных знакомств отдельных авторов и заканчивая обрывочными отзывами в забытых нашим временем инонациональных литературных и публицистических произведениях" [3, с. 12].

Всякое впечатление, образ вербализуется, что дает основания для формирования лингвистической имагологии – лингвоімагологии. Предметом ее изучения должны быть оценки, стереотипы, прецедентные феномены, паремический фонд, паралингвистическая ситуация, варваризмы и семантические процессы. Перечень явно не закончен, поскольку лингвоімагологіческие исследования только начинаются, и удалось вычленить пока только перечисленные аспекты анализа. Еще одно важное наблюдение: оценка того или иного народа и страны меняется в зависимости от исторических событий, политической обстановки и многих других факторов. Примером может служить видение Германии и немцев в петровскую эпоху, во время Великой Отечественной войны, в наши дни. Если заняться конкретным исследованием,

периодов с разными оценками будет намного больше. Таким образом, в лингвоимагологии очень важен синхронный срез анализа.

Вне всякого сомнения, наибольший интерес представляют зеркальные характеристики: мы глазами французов и Франция и французы в оценке наших соотечественников. Пока таких работ нет, но первым шагом в решении такого рода проблем предлагаем анализ видения выдающимся русским поэтом и страстным путешественником Н. С. Гумилевым Европы.

Материалом для нашего анализа послужил сборник "Стихи. Письма о русской поэзии" (все ссылки даются по данному сборнику с указанием страниц). Как ни странно, наиболее широко в нем представлена Африка (71 упоминание), Европа занимает второе место (44 упоминания), Америка, Азия, Австралия представлены спорадически.

Понятно, что Н. С. Гумилев не дает исчерпывающих характеристик наблюдаемым явлениям, но он репрезентирует позицию носителя элитарной русской культуры, в силу поэтического дара способного увидеть и почувствовать то, мимо чего пройдут другие. Мы отдаем себе отчет в том, что данная работа – лишь камешек смальты в огромной мозаике русского национального мировидения, но он тоже необходим.

Европа в сборнике Н. С. Гумилева представлена следующим образом: (по степени частотности упоминаний): города (14 уп.), выдающиеся личности (8 уп.), страны (7 уп.), люди (4 уп.), водоемы (4 уп.), национальности (3 уп.), острова (2 уп.), вулкан (1 уп.), регион (1 уп.). Рассмотрим их в том же порядке.

1. Города.

За исключением Константинополя, только половина которого находится в Европе, все остальные города итальянские. Прежде всего это Рим (4 уп.). С одной стороны, это "город, как солнце" (в русском языковом сознании оценка абсолютно положительная), с другой стороны – у него звериная сущность, с третьей – святые и грешные папы: "Ромул сказал: "Здесь будет город". "Город, как солнце", – ответил Рем" [2, с. 94]; "Я праздную день мой в веселой столице!" [2, с. 169]; "Не правда ль, ты их любила (волчица Ромула и Рема – Л. И.), как маленьких, встарь, когда Рыча от бранного пыла, Сжигали они города...Волчица, твой город тот же...", "И город цезарей дивных, Святых и великих пап, Он крепок следом призывных, Косматых звериных лап" [2, с. 197]; "Причудливей, чем Рим при грешных папах" [2, с. 340].

Венеция (1 уп.) видится традиционно: волшебство, красота: "Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорней аркады, Воды застыли стеклом" [2, с. 192].

Сиена, Каррара славны своим мрамором – материалом для прекрасных скульптур. Сиена (1 уп.): "О, янтарный мрамор Сиены!" [2, с. 200]. Каррара (1 уп.): "И молочно-белый (мрамор – Л. И.) Каррары" [2, с. 200].

Сиракузы (2 уп.) известны бронзовыми памятниками и вином: "Сквозь бронзу Сиракуз Глядится надменный облик муз" [2, с. 165]; "Петроний, ты морщишься? Будь я повешен, коль ты недоволен моим сиракузским!" [2, с. 169]. Русский поэт восхищен архитектурой итальянских городов.

Падуга (1 уп.): "Да, этот храм и дивен и печален, Он – искушенье, радость и гроза" [2, с. 207], "Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер!" [2, с. 208]. Обратим

внимание на веротерпимость автора: католицизм, несмотря на традиционно сложные его отношения с православием, никак не оценивается, чего не скажешь о папах.

Генуя (1 уп.): "В Генуе, в палаццо дождей Есть старинные картины, на которых странно схожи С лебедями бригаантины" [2, с. 217] – приморский город привлекает поэта живописью, связанной с морем.

Болонья (1 уп.) – университетский город, пронизанный наукой, любовью и весельем: "Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье" ... "И они придут до света С мудрой думой о Юстиниане К темной двери университета, Векового логовища знаний" ... "Старый доктор... Но и он порой волочит ноги По веселым улицам Болоньи" [2, с. 220].

В Неаполе (1 уп.) прекрасный старинный собор и неизменная грязь: "Как эмаль, сверкает море, И багряные закаты На готическом соборе, Словно гарпии, крылаты; Но какой античной грязью Полон город" [2, с. 222]; "Пахнет рыбой, и лимоном, И духами парижанки!" ... "А за кучею навоза Два косматых старика режут хлеб...", "Где засела малярия С желтым бешеным лицом" [2, с. 223].

Константинополь (1 уп.) портовый город, хранящий, тем не менее, мусульманские традиции: "Еще близ порта орали хором Матросы, требуя вина, А над Стамбулом и над Босфором Сверкнула полная луна. Сегодня ночью на дно залива Швырнут неверную жену, Жену, что слишком была красива и походила на луну" [2, с. 146]. Несоответствие топонимов объясняется тем, что в тексте говорится о Стамбуле, стихотворение же называется "Константинополь".

Таким образом, оценки Н. С. Гумилева во многом традиционны: восхищение искусством, красотой, природой Италии, уважение к ее древним университетам, но в то же время умение подметить сложности. Интересно, что Рим поэт видит сквозь призму мифа о происхождении вечного города: волчица и два младенца – Ромул и Рем. По нашим наблюдениям, оценка характеризует не только оцениваемое, но и в большей мере оценивающего. С этой точки зрения русский поэт предстает человеком внимательным, безусловно талантливым, эрудированным и доброжелательным.

Россию и Италию связывали непростые отношения: итальянские легионы воевали против нашей страны еще в составе войск Наполеона, пятнадцатитысячный сардинский корпус высадился в районе Севастополя во время русско-турецкой войны 1853–1854 гг., итальянские войска были противниками советских войск во время Великой Отечественной войны, в частности, на Украине. Вопреки указанным фактам никакой ненависти и даже неприязни нет. Наши современники, пусть не в такой яркой художественной форме, как Н. С. Гумилев, видят солнечную Италию прекрасной, восхищаясь ее культурой и искусством, хотя грязь в Неаполе стала социальной проблемой этого города.

Учитывая сказанное, очень интересно было бы проследить, как видят нас итальянцы. Думается, текстов, посвященных нашей стране и нашему народу, в Италии значительно меньше, чем у нас, однако проблема актуальна и заслуживает изучения в рамках нарождающейся науки лингвоимагологии.

2. Выдающиеся личности (8).

Среди выдающихся личностей Европы русский поэт видит прежде всего поэтов, художников и скульпторов.

Интересна оценка личности и судьбы Данте Алигьери: "Жил беспокойный художник, в мире лукавых обличий – Грешник, развратник, безбожник, Но он любил Беатриче. Тайные думы поэта В сердце его прихотливом Стали потоками света, Стали шумящим приливом" [2, с. 121]; "Они ликуют, эти звери, А между них, потупя взгляд, Изгнанник бедный Алигьери, Стопой неспешной сходит в ад" [2, с. 383].

Рабле (1 уп.): "Ты ли не опытен в пьяном деле, Вечно румяный мэтр Рабле?", ... "Грузный, как бочки вин токайских, мудрость свою прикрой плащом" [2, с. 137]. Наблюдается отождествление автора и его героев.

В "Письмах" Н. С. Гумилев весьма сочувственно пишет о путешествиях французского литератора Т. Готье: "Теофиль Готье всюду входил завоевателем и чувствовал себя единственным обитателем страны, где находился в данную минуту. "Я отправился в Константинополь, чтобы быть мусульманином в свое удовольствие; В Грецию – для Парфенона и Фидия, в Россию – для снега, икры и византийского искусства, В Египет – для Нила и Клеопатры, в Неаполь – для Помпейского залива, в Венецию – для Сан Марко и Дворца дождей. Ассимилироваться с нравами и обычаями страны, которую посещаешь – мой принцип; и нет другого средства все видеть и наслаждаться путешествием" [2, с. 418].

Художники и скульпторы охарактеризованы кратко и точно: "Пускай велик небесный Рафаэль, любимец бога скал, Буонаротти, Да Винчи, Колдовской вкусивший хмель, Челлини, давший бронзе тайну плоти. Но Рафаэль не греет, а слепит, В Буонаротти страшно совершенство, И хмель да Винчи душу замутит, ту душу, что поверила в блаженство" [2, с. 194].

3. Страны (7 уп.).

Естественно, чаще всех упоминается Россия (2 уп.). Первое описание импрессионистическое, автор не умиляется, но старые усадьбы ему близки: "Дома косые двухэтажные, И тут же рига, скотный двор, Где у корыта гуси важные Ведут немолчный разговор...", "В садах настурции и розы, В прудах зацветших караси, – Усадьбы старые разбросаны По всей таинственной Руси" [2, с. 193], "Русь бредит Богом, красным пламенем, Где видно ангелов сквозь дым ... О Русь, волшебница суровая... На полке, рядом с пистолетами, Барон Брамбеус и Руссо" [2, с. 194]. Мотив таинственности, гуманности символически представлен в следующем тексте: "Крест над церковью вознесен, Символ власти ясной отеческой, И чудит малиновый звон Речью мудрою, человеческой" [2, с. 233].

Остальные страны упоминались по одному разу, поэтому представим их в алфавитном порядке.

Византия: "И Византии строгой речь" [2, с. 139]; Италия: "Судьба Италии – в судьбе Ее торжественных поэтов" [2, с. 226]; Норвегия: "А вечный снег и синяя, как чаша, Сапфирная, сокровищница льда! Страшна земля, такая же, как наша, но не рождающая никогда" [2, с. 239] – характеристика акмеистическая.

Франции посвящены пронзительные по искренности стихи. Забыты наполеоновские войны, русско-турецкая война, горечь прежних обид. Это страна высочайшей литературы и культуры, за которую автор готов отдать жизнь. В русле лингвоимагологии хотелось бы определить: готов ли хоть один француз на нечто подобное? "Франция, ты призрак сна, Ты только образ вечно милый, Ты только слабая жена Народов грубости и силы... Когда примчалась война С железной тучей иноземцев, То ты была покорена И ты была в плену у немцев... Где пел Гюго, где жил Вольтер, Страдал Бодлер, богов товарищ, Там не посмеет изувер плясать на зареве пожарищ... Твоя война –

для нас война. Покинь же сумрачные станы – Чтоб песней, звонкой как струна, целить запекшиеся раны. Что значит в битве алость губ? Ты только сказка, отойди же. Лишь через наш холодный труп Пройдут враги, чтоб быть в Париже" [2, с. 335–336].

Швеция: "Страна живительной прохлады Лесов и гор гудящих, где Всклоченные водопады Ревут, как будто быть беде. И неужель твой ветер свежий Вотще нам в уши сладко выл, К Руси славянской печенежьей Вотще твой Рюрик приходил?" [2, с. 238]. Таким образом, восприятие европейских стран происходит на фоне их истории и культуры. Наиболее близки поэту Россия и Франция.

4. Люди (4 уп.).

Название рубрики нельзя назвать удачным, но ни к выдающимся личностям, ни к национальности их никак не отнесешь.

Конквистадоры (2 уп.): "Я конквистадор в панцире железном... И если нет полдневных слов звездам, Тогда я сам мечту свою создам И песней битв любовно зачарую. Я пропасть и бурям вечный брат, Но я вплету в воинственный наряд Звезду долин, лилею голубую" [2, с. 34]; "Слышу гул и завыванье призывающих рогов, И я снова конквистадор, покоритель городов" [2, с. 127]. Автор сочувствует храбрости и мужеству конквистадоров, чувство исторической справедливости его явно подводит.

Флибустьеры, весьма близкие конквистадорам, вызывают противоположное чувство: "А вы, королевские псы, флибустьеры" [2, с. 124].

Леди: "И нежные, задумчивые леди" [2, с. 155]. Отметим, что люди и национальности Европы автором оцениваются в соответствии со сложившейся традицией.

5. Национальности (3 уп.).

Гунн: "Свирепый гунн" [2, с. 147]; татарин: "Мне чудится (и это не обман): Мой предок был татарин косоглазый" [2, с. 147]; финн: "И, волк равнин, подходит финн" [2, с. 132].

6. Водоемы (4 уп.).

Дважды упоминается Тибр: "И ласкает быстрый Тибр ступени Гордо розовеющих дворцов" [2, с. 68]; "Как веселы в пламенном Тибре галеры!" [2, с. 169] – характеристика блестящего Рима переносится на реку, на берегах которой он стоит. В стихотворениях, посвященных Гомеру и Беатриче Данте, традиционно и безлико говорится о морях: "опененный клокочущий Понт" [2, с. 111]; "Слишком долго мы были затеряны в безднах, Волны – звери, подняв свой мерцающий горб, Нас крутили и били в объятьях железных и бросали на скалы, где пряталась скорбь" [2, с. 122].

7. Острова (2 уп.).

Близок сердцу русского поэта только греческий Родос: "...нежный Родос! Мы идем сквозь туманные годы, Смутно чувствуя веянье роз, У веков, у пространств, у природы Отвоевывать древний Родос!" [2, с. 152]; "...милый Родос" [2, с. 316]. Возможно, Н. С. Гумилева вдохновили крестonosцы, одной из их баз был Родос.

8. Регион (1 уп.): "Золотой тосканской равнины" [2, с. 200].

9. Вулканы (1 уп.): "И, как птица с трубкой в клюве, Поднимает острый гребень, Сладко нежится Везувий, Расплескавшись в сонном небе. Бьются облачные кони, Поднимаясь на зенит, Но, как истый лаццарони, Все дымит он и храпит" [2, с. 223] – характеристика несколько ироническая, поскольку в итальянском языке "лаццарони" обозначает следующее: 1) участники восстания в Южной Италии против испанского господства в 17 в.; 2) название деклассированных элементов в Италии в 18–19 вв.; 3) перен. Бедняк, нищий [1, с. 315]. Судя по контексту, использовано второе значение.

Таким образом, восприятие Европы у Н. С. Гумилева очень личное и поэтическое. Это взгляд высокообразованного гуманного человека, любящего свою Россию, но готового отдать жизнь за Францию. Он прекрасно знает историю, однако конквистадоры вызывают его симпатию. Возможно, русский поэт немного путешествовал по Европе, поскольку он воспринимает ее прежде всего сквозь призму Италии: ее литературы, искусства, городов, даже природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. – М.: "Мартин", 2008 – 704 с.
2. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: "Художественная литература", 1990. – 447 с.
3. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: ОАО "Симферопольская городская типография (СГТ)", 2008. – 200 с.